

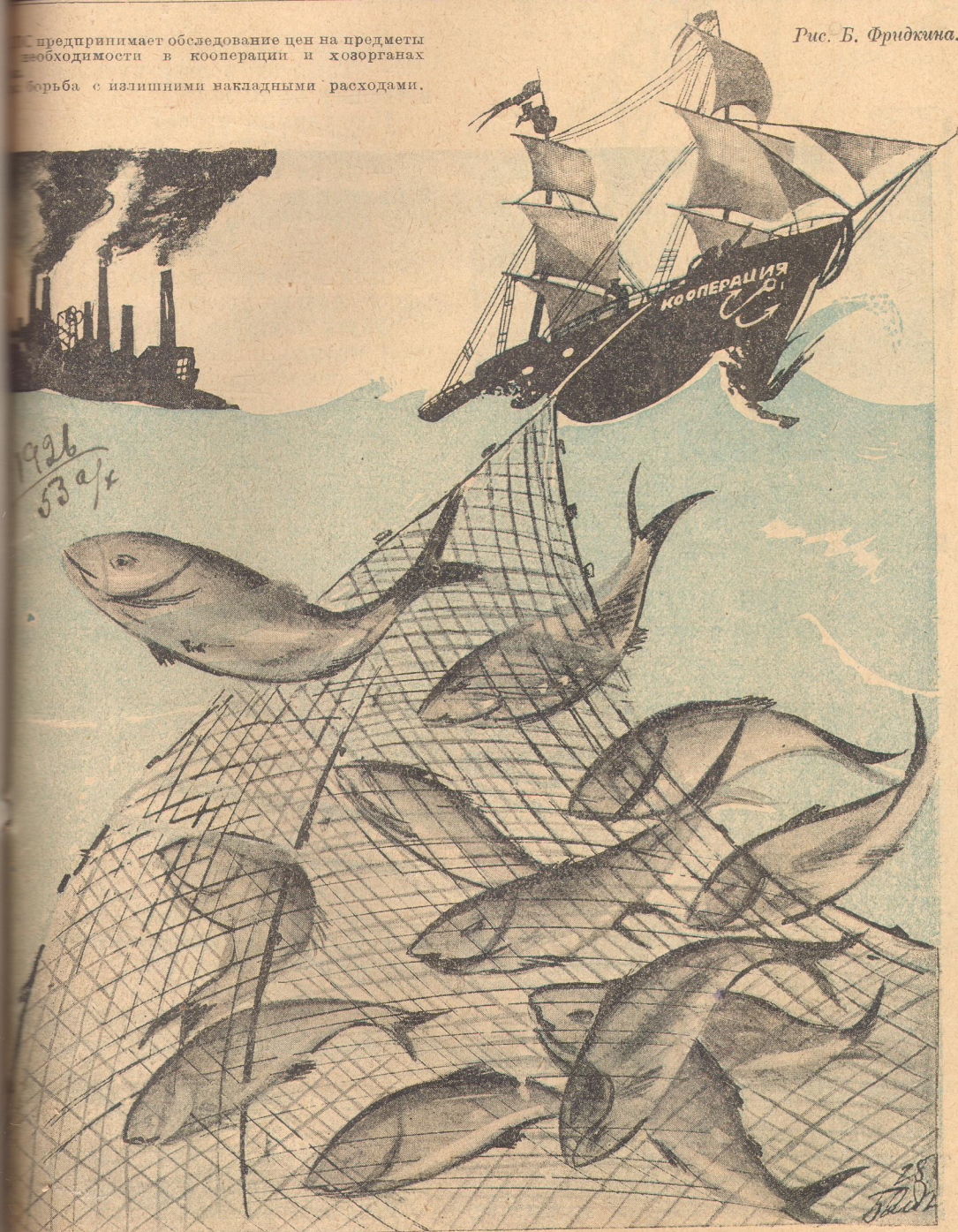
ГЛАВРИЛО

ДЕНАБРЬ, 1925 Г. Издание газеты „Пролетарий“—орган ВУСПС.

Адрес редакции: Пушкинская, 31.

Предпринимает обследование цен на предметы
необходимости в кооперации и хозорганах
борьба с излишними накладными расходами.

Рис. Б. Фридкина.

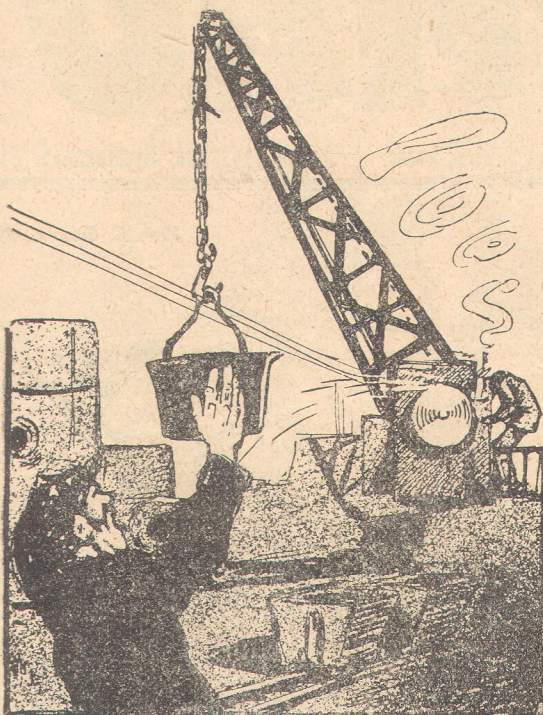

ВОЖАК:— Плынь, сельдь, мимо этих сетей, а то, при этом ветерке, и без засолки в рабочие
ки попадешь.

„ТОРМАЗ“.

В одной из шахт р-ка „Ветка“ (Сталино) есть лебедка, которую машинисту приходится тормазить, упираясь головой в верхнюю нар. (А. Тр.)

Рис. С—а.

МАСТЕР:—Тормози!

МАШИНИСТ:— Не могу! Порча!
В'елась гайка в висок.

На ходу.

(Почти фантазия).

Вена. Штейнах передал венской академии наук свою работу, описывающую новый способ омоложения не оперативным путем, а при помощи впрыскивания химических веществ. Опыты на людях еще не производились.

Можно будет также глотать химический состав омоложения.

(Телеграммы)

Вы представляете себе, как это будет?
Дряхлый старик, опираясь на костыль, садится в автомобиль.

И проглатывает во время езды пилюльку, и выходит из него—молодым.

О, Фауст, бессмертное творение Гете! Ему приходилось продавать душу чорту.

Нынешний Мефистофель — зовется Штейнах.

Он не требует души...

Он дает кубок молодости — во имя науки... уже на ходу...

* *

В театральном буфете во время антракта.

— Мне бутерброт с ветчиной!

— А мне две облатки молодости.
К следующему антракту хочу помолодеть лет на 20.

— Странно, как раз между актом по пьесе проходит 20 минут, а вы хотите назад...

— Пожалуйста две облатки молодости и бутерброт с сыром.

— 1 руб. 40 коп.

В следующем антракте...

— Ну, как себя чувствуете?

— Уже лет на пять чувств у меня моложе. К концу пьесы пойду комсомольцем.

— Чудеса!

* *

Суд постановил:

— Такого-то подвергнуть заключению в тюрьму на 20 лет!

Подсудимый просит стакан воды.

— Не волнуйтесь, — говорит заведующий.

— Я не волнуюсь, я просто хочу выпить. Я 3 пилюли молодости, — помолодею лет. Как будто и не было заключения.

* *

Этих примеров можно было бы привести сколько угодно.

Фауст слишком дорого заплатил за свою молодость.

Он опоздал родиться на 100 лет.

Впрочем, быть может, телеграфистки Вены несколько поторопились.

Но если?... Какой захват будет стариков.

— Давно не видались, дорогие.

— О да... Мы тогда лет на 30 были.

* *

День делового человека.

— 8 утра—служба.

— 12—заседание.

— 1—2—омоложение.

— 3 часа—доклад на производственном совещании.

* *

Мечты, мечты...

— Нет больше старости...

Неужели это будет так, как теперь?

— Нет более мозолей?

— Впрочем, — говорят — средства для устранения мозолей плохо помогают.

Д. Манн

Неприятные последствия.

В Германии происходит по причине применения омоложения банкротств.

(Из газеты)

Сие—как это ни кошмарно!—

Плод штреземановской работы.

Кто „обанкротился“ в Локарно.

У тех—не диво и банкроты!

На все сто процентов.

Кто сказал первый—не выяснено.

Но кто-то сказал:

— На все сто процентов.

И с этой минуты жизнь Подрыгалова была бесповоротно отравлена на все сто процентов. Единица с двумя нулями превратилась в кошмар.

На собраниях Подрыгалов чувствовал себя скверно:

— Сейчас про сто процентов вспомню, — думал он, напряженно следя за губами оратора.

И действительно.

Размахивая руками, оратор веско, как будто бы куя молотом железо, говорил:

— Товарищи, мы должны поднять производительность труда на все сто процентов!

Или:

— Товарищи, закрепим новый быт на все сто процентов!

Вначале Подрыгалов пытался вести статистику и отмечать, кто не говорит лишних надоедливых и ненужных слов, но потом бросил. Говорили все. Веско говорили, с апломбом, как будто нечто новое и важное.

Газеты тоже не отстали. Они пестрели большими, крупными заголовками:

Выполним заветы Ильича на все сто процентов.

Помощь МОПР'у должна быть усилена на все сто процентов.

И Подрыгалов нервничал, впал в дрожь и потерял аппетит.

А вакханалия единицы с нулями продолжалась.

Однажды, когда усталый Подрыгалов шел с собрания домой, ему бросилась в глаза пестрая афиша у кинематографа. Подрыгалов подошел, стал машинально читать, и вдруг волоса у него зашевелились на все сто процентов.

Назойливая единица с двумя нулями злобно кивала головой Подрыгалову:

— „В этой картине достижения кинематографии использованы все сто процентов.“

Подрыгалов взвыл. Подрыгалов бродил домой, схватил первую попавшуюся газету, уткнулся в нее на минуту своим носом и принялся что-то переписывать.

Через полчаса Подрыгалов стоял перед ответственным работником.

— Вот, — говорил он задыхаясь, — вот, смотрите. Ни за что пропал человек на все сто процентов. Доканали на все сто процентов человека.

И совал ответственному работнику исписанный листок бумажки, плача и зверски вращая глазами.

Подрыгалова отправили в больницу умалишенных.

— Странно, очень странно, — размышлял ответственный работник, смотря в окно на отъезжавшую карету скорой помощи. — Кто бы мог подумать. Логично пишет. Складно. Смысл есть. Совсем нормальный человек, а вот поди ж ты — на все сто процентов с ума спятил.

У ног ответственного работника валялась измятая бумажка.

На ней было написано:

„Забастовка разорила Гонконг на все сто процентов. Свыше 3000 предприятий на все сто процентов обанкротились. Порт опустел на все сто процентов. Правительство Гонконга согласно на все сто процентов вести переговоры с забастовочным комитетом.“

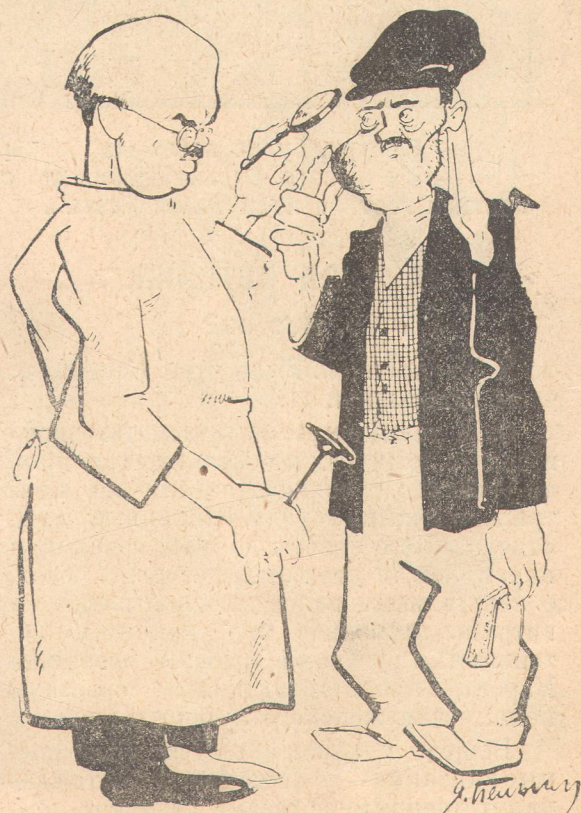
Дед Глаз.

ПОЛГОДА СПУСТЯ.

В рабмедах больным приходится от приема до приема ждать очереди по полгода.

(Из газет).

Рис. Я. Бельского.

— Напрасно вы, доктор, увеличительное стекло взяли. Теперь прыщик и так уже видеть можно.

НОВАЯ СПЕЦИАЛЬНОСТЬ.

В Харькове в последнее время участилось расхищение водопроводных будок.

„Пролетарий“.

Рис. С.

— Смотри, будка побежала!

— Та не, это Васька Клин до своей Насти в гости с подарочком идти...

Жуткая история.

1. Кто он?

Мороз крепчал. Было утро. Башенные часы показывали 11.

Озабоченные мужчины спецставочного возраста, в шубах и новеньких галошах, не особенно торопясь, шагали по центральной улице города. Шикарные дамы, отделанные с головы до ног котиком и каракулем, в изящных фетровых ботах, с недовольным видом поглядывали на витрины магазинов мод, покрытые затейливыми узорами работы товарища Мороза, представляющими серьезную помеху для женского любопытства.

Бешено мчались автобусы, провожаемые высокими—не ниже третьего этажа—напутственными фразами „ванько“...

Из парадного хода одного из учреждений вышел мрачный гражданин низкого роста и такого же разряда, в

семисезонном, видавшем виды, пальто. На его лице не было лишнего симпатичного растительности, видна была железная решимость. Стояв минуту в раздумьи, неизвестный быстро зашагал, выкрикивая вполне законченные фразы, звучащие то угрозой, то мольбой.

— О, вы думаете, я вас не найду?! Я обегаю весь город, я буду опрашивать каждого прохожего! Помните, я не могу больше. Мне жизнь тяжела без вас. Какой бы цены мне вы ни стоили, но я вас раздобуду. Я решил играть ва-банк. И игра должна быть выиграна...

Прохожие в испуге разбежались в сторону и, качая головами, перешептывались.

— Еще одна жертва шахматного зина.

— Одним растратчиком больше.

— Вот вам итоги всеобщего увлечения шахматным туризмом...

А неизвестный, размахивая руками, уже не бежал, и скоро скрылся из виду.

2. Завеса приподнята.

В театре шел третий акт. Кудрявый, с видом человека, почувствовавшего себя внезапно плохо, подошел к гражданину и протянул номерок.

Читатель, конечно, догадывается, что это был известный ему „неизвестный“.

Получив свое пальто, неизвестный настойчиво потребовал галоши.

После кратких переговоров, выражавшихся в неподдельном возмущении одной стороны и в горячих извинениях с другой, неизвестный получил пару новеньких галош.

Ни один мускул не дрогнул на лице.

Выйдя из театра, неизвестный с ног галоши и горячо прижав их к груди, воскликнул:

— Наконец-то, я вас нашел!

И с счастливой улыбкой, направившись домой, дабы поделиться с женой своей радостью...

Мороз крепчал. На башенных часах пробило 11.

3. Тайна раскрыта.

Через несколько дней в газете появилось следующее объявление:

ГРАЖДАНИНА, получившего 3 числа сего месяца в госопере по ошибке галоши № 9, прошу вернуть таковые за приличное вознаграждение.

ДОРОГИ, КАК ПАМЯТЬ о недельном стоянии в очереди у резинотреста. Звонить тел. 12 45.

Туз.

От автора:

Читатель, можете ударить меня галошей № 13 по голове.

Выдумал я все это. Ничего подобного не было: и неизвестного не было, и объявления не было, и галош тоже не было. А написал я эту историю после

долгой беготни с высунутым языком по магазинам церабкоопа и другим, где неизменно натыкался на лаконическую надпись:

«Галош нет».

Может, к тому времени, когда вы будете читать эту жуткую историю, галоши уже будут. Но пока—не могу молчать!

За что мы боролись?

Т.

Новая профессия.

(Около кино).

— И до чего выигрышное дело эти билеты! На днях опять десять червонцев заработал.

— Вы, наверно, выгодно купили билеты выигрышного займа?

— Нет! На Гарри Пиля двести билетов перепродал.

По букве закона.

В одном из мелитопольских районов, в связи с тем, что староста пожарн. дружины был занят на других должностях, а на воротах пож. команды всегда висел замок,—сгорели рай-исполком и коммунхоз.

(Из одного доклада).

Рис. Я.

- Чего вы звоните в пожарком? Ключ от обоза ведь у вас.
- Извиняюсь, я сегодня по совместительству заведую комхозом.

Мануфактура.

„В торговые операции втянулись даже организации, не имеющие к ним никакого отношения. Так, например, типография Всеукраинской Академии Наук закупила некоторое количество мадеполама и продала его частным торговцам. На Киевщине торговлей занимался Украинский Красный Крест“.

(„Правда“ 13/XI 1925 г.).

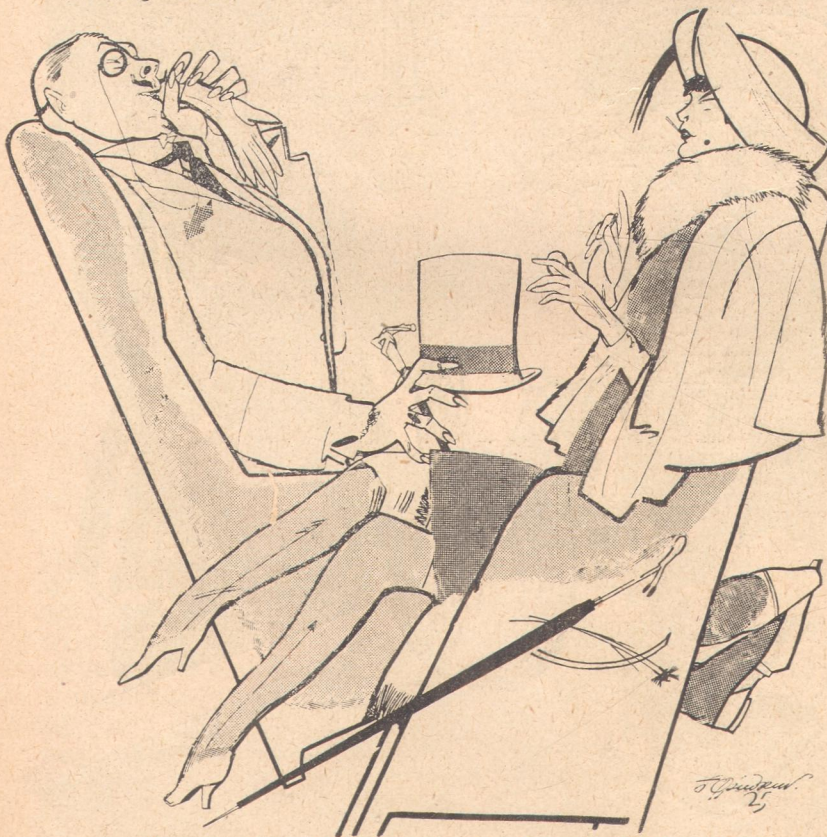
Когда председатель „ЕПО“ Галайда уезжал из села, ему строго-на-строго наказывали достать книг для демобилизованных и медикаментов для амбулатории.

— Так что ты уж нас ублаготвори, товарищ, — говорил ему красноармеец Шлеп. По городу походи и привези все, что полагается, потому ребята заскучили за книгой. А также насчет медикаменту. Про плату не сумлевайся.

Французская законность.

Французский министр юстиции издал приказ, запрещающий женщинам-адвокатам носить короткие юбки, считая, что это недопустимо для женщин, служащих правосудию.

Рис. Б. Фридкина.

— И так, г. министр, я не могу рассчитывать на место адвоката?

— Нет. Но вы по видимому вполне справитесь с работой на ответственном посту моего «личного» друга.

Подъезжал Галайда к городу с самыми радужными надеждами. На главной улице бросилась ему в глаза шикарная вывеска „Типография Всеукраинской Академии Наук“.

— Вот сюда-то мне и надо, — подумал Галайда. — Наука — дело сурьезное, а украинская — тем более. Тут не то, военных книг добьешься, а про земледелие да про хозяйство тоже найдешь, что нужно.

— Вам чего, — спросил его секретарь.

— Мне бы, то-ись, насчет крестьянства, а также для демобилизованных. Старался объяснить Галайда.

— Что-ж вам ситчику, прикажет крестьянского или военного сукна? Есть разные сорта.

Оно правда, — почесав в затылке, отвечал Галайда. — Ребята у нас довольно голые. Шинелишки ветром подбиты, у коих и вовсе нет ничего. Но между прочим, денег нет даже на ситчик.

— Накидочка у нас небольшая — всего-то 100% на прекуррант треста.

— Да я насчет книг. Для них-то и зашел.

— Так вам для переплетов: коленкору, чортовой кожи или еще чего?

— Какие там переплеты. Мы и без переплетов согласны. Лишь-бы чтение умственное и полезительное — про войсмиполье, про хозяйство, про свинью...

Ушел Галайда ни с чем. По дороге в Красный Крест, рассуждал он сам с собой:

— Вот тебе и наука. Тебе книжка нужна, а он мануфактуру сует. И товар, наверное, хорош, потому наука.

В „Красном Кресте“ Галайду встретили с распростертыми объятиями. — У нас знаете, лицом к селу, — говорил завед. коммерческим отде-

Мы интересу-
емся продвину-
ть ко всем „ЕПО“.

— Вот это так,—
сказал Галайда.—
то за бинтом, да за
сторкой в город
поезжай. Молодцом.
Бята, старайтесь.

— Мы и стараемся.
в прошлом месяце
вагонов распро-
дали, и все низо-
му потребителю.
лучше других тре-
тов успеваем.

— Ай ловко! Прямо
гонами и жарите?!
разве так много
больных на селе?

— Зачем больных?
и здоровым про-
даем. Пусть не бо-
лезнеют. Кому это надо.

— А здоровым
наше нужны ваши
лекарства? К че-
му им касторка или
ена, например?

— Кто-ж у нас
считает медикаментов?
какие больные? Быть
может—только на
мануфактуру? Про ману-
фактуру я говорю.
только про ману-
фактуру...

В село Галайда
вернулся без книг
лекарств. Он заме-
тил бы их мануфак-
турой, да денег не
хватило, потому что
„продвигатели“ на-
качивали жирно на
трейскурант.

На собрании Правления „ЕПО“ Га-
лайда долго докладывал о своих мытар-
ствах и речь свою закончил так:

— В городе нашем мануфактурная
нахорадка; она трясет даже науку и
лекарства. Тут поможет только ле-
карство от спекуляции.

Вл. Симушенко.

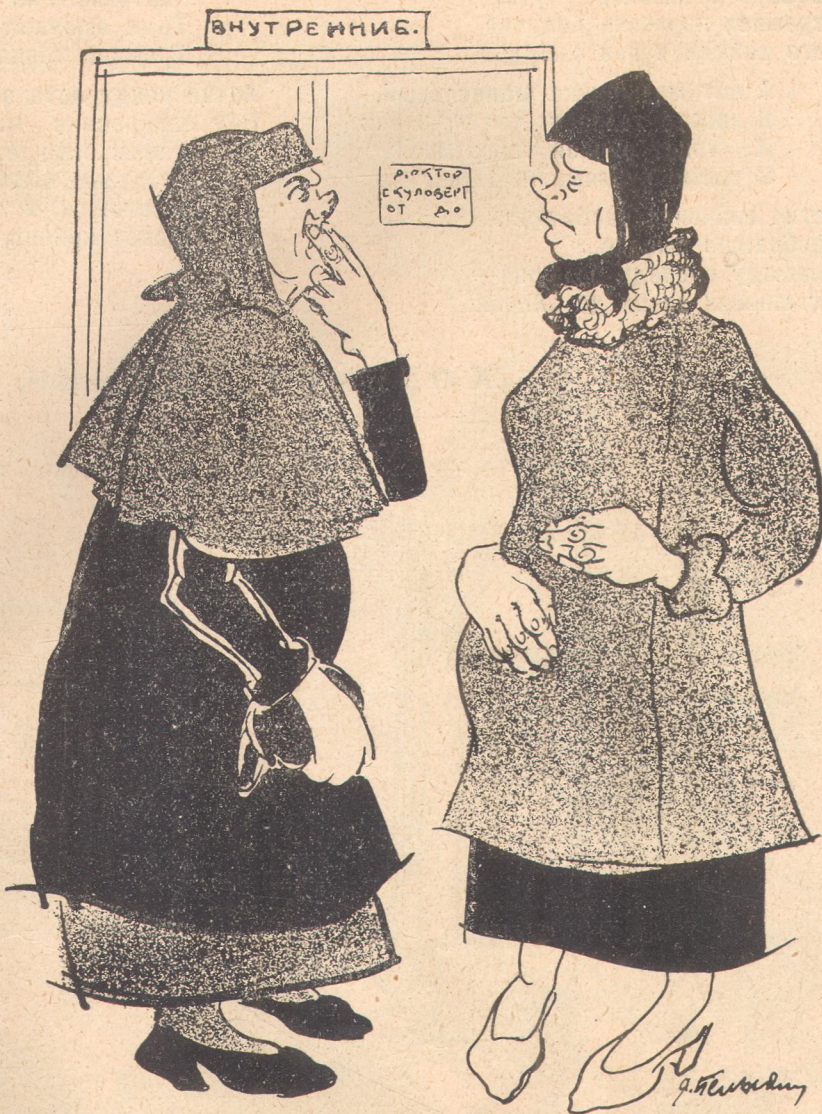
НЕТУДЫКИН ЛЕТИТ НА ЛУНУ.

(См. стр. 16).

Рабмедпутаница.

В раб. поликлинике г. Запорожья часто
бывает, что на двери кабинета обозначена
фамилия одного врача, а принимает другой.
(„Кр. Зап.“).

Рис. Я. Б.

— Ой, господи, не успела про живот рассказать, а мне
зуб вырвали.

— А вы скорей бежите в зуболечебный кабинет, может
клизму поставят...

„Ключи счастья“.

Б. вел. князь Николай в
интервью выразился: „Ключ
к будущему России — в руках
иностранного капитала“.

Вас огорчу, дружок, не мало,

Но с нами вам не сделать смычки:

Взамен ключей, у капитала,

Увы, найдете... лишь отмычки.

Ш.

ГОРОДСКОЕ.

(Нечто пушкинское)

Зима. Тряся ежеминутно,
Автобус разрыхляет путь,
Стремясь пересечь попутно
Когонибудь и какнибудь.

А вот мальчишка шаловливый,
В хвосте толкает „тетю“ в бок
И... тянет ручкой торопливой
С тремя рублями кошелек.

Летит кляченка разбитная,
Изображая рысак...
Повсюду очередь большая—
От винных лавок до „Ларька“

Среди трамвайных рельс подвода
Застряла,—ни вперед, ни назад...
Тьма любопытного народа...
Трамваи терпят и стоят...

Лотки кондреста взор ласкают.
Вот папиросник—мальчуган,
За пятакон нырнув в карман,
Лоток глазами пожирает:
Ему, и хочется, и жаль.
А продавец кричит:—„Отчаль!“

Ямбове

„ХОЗЯЙСТВЕННИК“.

Управлением одесск. водопровода шестерым тролерам, производящим по городу обследова-
выдан один плащ.

(„Од. Изв.“)

Рис. Самума.

— Как же это, т. заведующий: один плащ на шестерых? У нас районы раз-

— А вы вместе идите, потому в единении—сила.

В КАНЦЕЛЯРИИ.

В Запорожьи происходят стрелковые соревнования с призами. В соревнованиях участвуют рабочие, работницы и молодежь. На первом месте стоит работница тов. Кудлай.
(Из газет).

Рис. Я. Бельского.

Подкрасив верхнюю губу,
Зизи мечтала вслух, забыв об „исходящей“:
— „Ах, еслиб нам призы давали за стрельбу...
Ведь я стрелок, и самый настоящий.

Ну что работница? По чести говоря.
Меня она ничуть не удивляет“.
Зизи в ответ секретаря
День целый глазками стреляет...

М. С.

**Следующий № журнала „ГАВРИЛО“
„О рождестве и прочем“...**

ГЛАЗ НА ДОНБАСС.

Лошадиное горе.

Гаврилушка, не умеем писать мы красно,
По наслышке, и только, знаем об ОНО,
Так как, не имея человеческого звания,
Живем в темноте, без всякого образования.
Достойны мы сочувствия и сожаления.
Прими наше коллективное заявление,—
Заверенное и скрепленное лошаdkомом,—
О мытарствах наших, вставших в горле комом.
Пишем тебе, Гаврилушка, издалека,
Из темных шахт Голубовского рудника.
Прцветает здесь такая эксплуатация,
Что волком воет наша лошадиная нация.
Работаешь, как лошадь, 18 часов в сутки,
Не смея при этом отдохнуть ни минутки,
И хотя тобою честно выполняется норма,
Нередко остаешься без воды и корма.
Придешь на конный двор и—не было печали—
Оказывается весь овес уже раздали.
Жди несчастный гарнец овса 6-7 часов,
Как это говорится: „до новых овсов“...

На основании выше и ниже изложенного,
Мы отказываемся работать больше положенного.
(За сверхурочные, ведь, полагается особая плата).
Требуем увеличения лошадиного штата,
Введения 8-мичасового рабочего дня
От нашей администрации—„ниже не милует... коня“...
...Слезам обливаясь и в слезах плавая,
Прежде, чем послать сие послание корявое,
Мы прочли его внимательно и вспомнили людей,
Работающих на манер наших лошадей.
А охрана труда—ничего,—вот поди же!..
Но так как своя рубашка к телу ближе,
Просим, Гаврилушка, будь за нас ходатай
И сие заявление скорее пропечатай.
Сам видишь—чаша горечи нами испита,
Так и тянет порой наложить на себя копыта...
Надеемся, ты нас выручишь из беды. А пока
С уважением

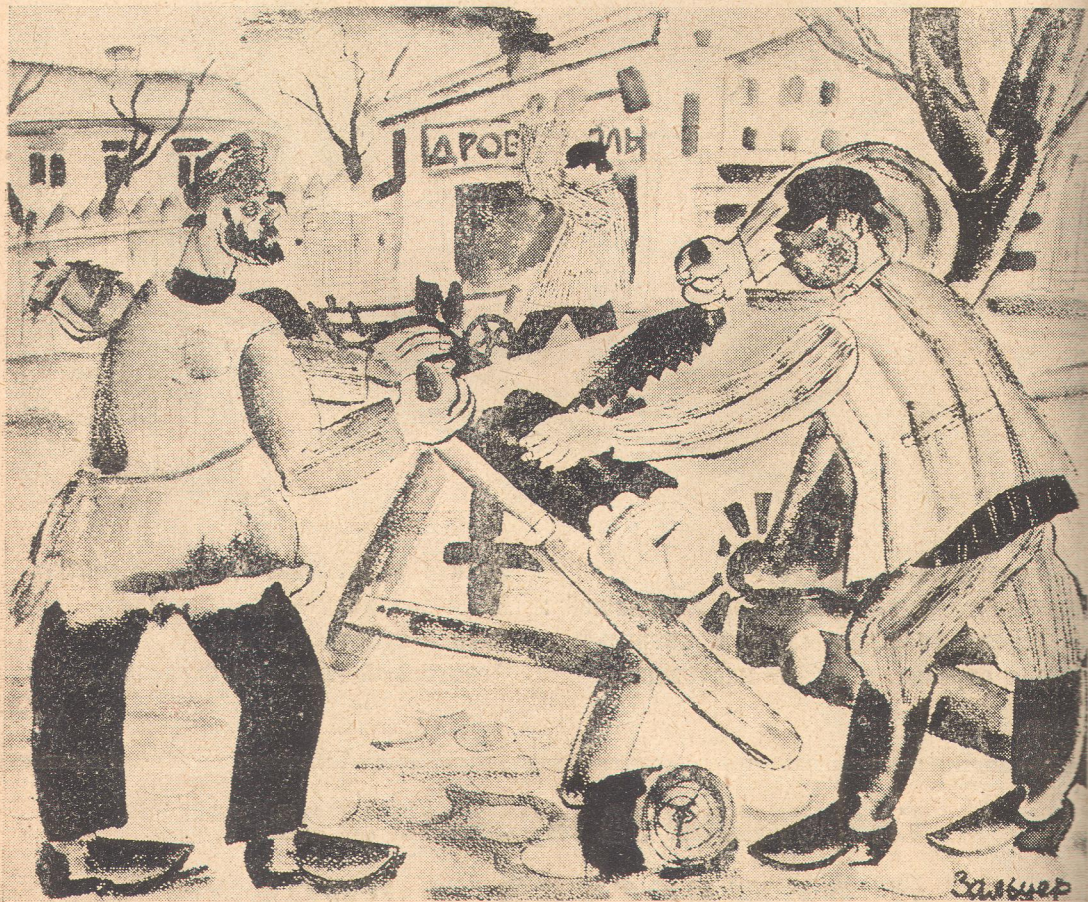
Лошади Голубовского рудника.

У подлинным верно

КАЙЛО.

Рис. С. Зальцера.

ПРИМЕТНАЯ РАЗНИЦА

— А знаешь, Кузьма, на пиве-то пила как будто лучше шла, чем на сорокаградусной.

МУЗЕЙ ГАВРИЛЫ.

«Фрукт».

Речь идет о завдвором Красно-Мездинского рафинадного завода, Бойко. Уж очень бойко ведет себя этот Бойко!

Когда он распределяет наряды поделным рабочим, то берет толпу тех, кто ему нравится: мужчин, из нужды кланяющихся ему, женщин, относящихся к нему благосклонно. Вот каков этот фрукт.

Как видите, фрукты не только на дереве растут. Упомянутый фрукт, Бойко, даже за дерево может сойти, например, за дубину... для околачивания груш.

Плохая марка.

Харьковский райком ВСРМ в июле отправил деловую телеграмму, а в октябре получил почтовую повестку (между прочим, сразу вторичную).

«В райком металлистов. Прошу явиться в почтовую контору, Петровский пер. 11, для уплаты недоборных за телеграмму № 665, от 8/7—6 копеек».

Мы не сомневаемся, что райком, тронутый до глубины души отстрочкой уплаты долга, после специального совещания выделил представителя (не итти же всем райкомом платить) для торжественного внесения в почтовую контору указанной выше суммы.

Канцелярская волокита? Бюрократизм? Не станем разбираться. Просто у почтаминистрации плохая марка, чего нельзя сказать о марке, изображенной на рисунке.

Спецодежда.

Опять спецодежда? В горле она уже сидит у... наших хозяйственников.

Выдали токарям полтавского паровозо-ремонтного завода, вместо халатов, фартуки,—обижаясь. Долбежникам выдали одни рукавицы,—вой подняли. Никак им не угодишь. Тут стараешься, из сил выбиваешься, чтоб «облегчить» людей, потому—жарко в спецодежде, никакого эффекта! А то, что фартук может легко попасть в шестерню и человека за собой потянуть, так ведь нельзя, чтоб на производстве да без несчастных случаев. Тем более спецодежда никакая не нужна.

Мы слышали, что «хозяйственники» предполагают выдавать фиговый листок в качестве спецодежды. Если и тут будут недовольны рабочие, тогда их уже крыть нечем. Пусть нагишом работают.

Верное средство.

На Житомирской шпильковой фабрике как собрание какоенибудь, так в лампах керосину мало. На самом интересном месте становится темно, как у негра в желудке.

«Администрация трясется над каждым фунтом керосина».

Авось ее совсем растрясет. А если нет, рекомендуем скипидар. Верное средство про-

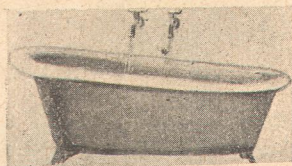

тив клопов, блох и скупой администрации. Заодно можно смазать кое-какие места и фабком, который всегда опаздывает на собрания.

Пред, от которого вред.

Помещаем снимок ванны. В ванне—вода, из которой вылез сухим пред. Голосковского ЕПО! Первомайский окр., Одесск. г.

Идет ревизия ЕПО. В итоге, в кассе должно быть наличными 200 руб. Но их нет. Тогда пред выходит на минуточку в соседнюю

комнату, где берет у «приятеля» расписку, что тот взял у него взаимнообразно 150 рублей и торжественно вручает ее ревиз. комиссии. Сорок руб. пред взял авансом, а 10 руб. просто не хватало».

Как просто. Комар носа не подточит. Ай-да пред! А все же плачет по нем некое учреждение, ничего общего с кооперацией не имеющее.

Зубастый культком.

У каждого из нас есть вполне определенное понятие о функциях культкома. Его дело просветительная работа. А вот культком ст. Безпавловка юж. ж.д. побил рекорд.

«Работы никакой не видно, культкомовцы только и делают, что грызутся между собой».

Предупреждаем, что вследствие такой грызни, у культкомовцев получится результат, изображенный на рисунке: рот растянется до ушей, хоть завязочки пришей, зубы прегрываются в собачьи клыки, а там и горло не трудно друг другу перегрызть. Какую же культпросветительную работу сможет вести такой культком?

Врачу, исцелися сам!

ВПОЛНЕ РЕЗОННО.

В Нью-Йорке бандиты, обезоружив полицейских, захватили в центр. полиц. управлении 2 миллиона рублей и скрылись.

Рис. Я. Бельского.

(Из газет).

БАНДИТ:—А где тут, папаша, ваш участок? Мне на обед монеты не хватает. Может, разживусь...

А может быть...

Сам не зная как, тов. Гвоздев очутился около резинотреста, машинально толкнул дверь и вошел в магазин. Только тут он вспомнил, что прошел без всякой очереди и испугался.

— Выругают самыми последними словами, — горестно подумал он. — Как намерены в одном магазине сказали: „Только ненормальные могут спрашивать галоши, видя, что очереди нет“.

Он решительно шагнул к выходу, но в это время один из приказчиков, заметив его намерение, завопил:

— Куда же вы?.. Гражданин! Неужели вы, рабочий человек, пойдете за галошами к частному торговцу?! Что у нас, выбор, что ли маленький? Ведь, вам — галоши?

— Га-ло... — пробормотал сбитый с толку Гвоздев — Только у меня, товарищ, того... червонца нет. Я только шесть

целковых с собой захватил. Сказать, по базарной цене.

— Батюшки! — всплеснул руками приказчик. — Да неужто живоглоты, по шести целковых дерут? А мы-то по два с половиной продаем и считаем, что рого. Вам какой номерок присжите?

Ничего не понимая, тов. Гвоздев вышел на улицу, судорожно сжимая в руках драгоценную купку. Но не успел он сделать пяти шагов, как кто-то ухватил его за рукав и затараторил:

— Гражданин! Желаете квартиру? Сухая, теплая. Две комнаты с кухней и все удобства.

— Вы меня „на бога“, товарищ, не берите! — недовольно буркнул Гвоздев. — Теперь не перепродаю. Апрель. Уж не на луне ли вы жили?

— Зачем на луне? В Харькове. Почти в центре, — две минуты ходьбы от трамвая.

— За сто червонцев отступного, что-ли.

— Что вы! Всего пять рублей в месяц, да еще с кредитованием на полгода.

— Как послушаешь вас, гражданин, — нахмурился т. Гвоздев. — так вы меня разыграть хотите. Что же по вашему, теперь квартиры на улице валяются?

— Ну, как вам сказать. Квартиранты тоже на улице не валяются. С тех пор, как понастроили повсюду новые дома, да упили

или учреждения, нашему брату домовладельцу, — хоть с сумой иди. Все новые дома наровят, а наши пустуют. А чем соблазнились — не понимаю.

— Гражданин! — перебил его второй незнакомец. — Не снимайте у частных домовладельцев! Снимите у нас! Поддержите жилкооперацию!

— У нас, у нас! — раздалось несколько голосов.

— Сумасшедшие, — мелькнуло в голове у Гвоздева, и он бросился прочь.

Однако его удивлению в этот день не суждено было кончиться.

Очутившись в автобусе, он с изумлением увидел, что хотя народу там было много, но никто не лез друг другу на голову и проход к выходной двери был совершенно свободен. Его удивление еще больше возросло, когда он обнаружил, что кондуктор не сделал малейшей попытки к тому, чтобы

...м приемом бокса сбить его, Гвоздева, площадки на мостовую...

В союзе, куда он направился за справкой, на него не крикнули: „Не мешайте работать! Зайдите через две недели!“ Нет. Не прошло и трех минут, как он получил нужную ему справку.

Тут только тов. Гвоздев вспомнил, что сегодня утром на заводе выдали дополнительно по запасной паре спецодежды, что жалование раздали по цехам, избежавши тем самым бешеной толкучки в конторе.

— Что ж это такое?—оторопел тов. Гвоздев.—Неужели это все на яву? Нет! Не может этого быть. А все таки...

Чтобы окончательно убедиться,—он направился в „Ларек“, и открыл дверь.

— Фунт крупы, полфунта сахару, и две „керченские“,—коротко бросил он приказчику.

Он уже приготовился услышать грубое:

— „Такой мелочи не держим“.

Но приказчик вежливо осклабился и произнес:

— Вам маляной или гречневой прикажите?

Здесь уже тов. Гвоздев не выдержал.

— Братцы! Да что же это?—радостно завопил он.—Да неужто это все на самом деле? Неужто мы, наконец, изжили все эти гримасы?!

— Не знаю о каких таких гримасах говорите,—обиделся завмагазином.—А только наши приказчики гримас покупателям не строят... Эй, гражданин, покупочку забыли!.. Гражданин!

— Гражданин!—раздалось у самого уха товарища Гвоздева.—В галошной очереди спать не полагается. А ежели кто „сороковки“ хватил, так должен дома сидеть, а не задерживать очереди, когда каждая галоша на счету.

Барсов.

В самый раз.

Большое количество клубов находится в полуразрушенном состоянии, не говоря уже об антисанитарном.

(Из газет).

Рис. Самула.

— Глянь, дом, крыши нет, окон нет, труба повалилась, в середине грязь, и почему тут не клуб, никак не пойму.

Последний-ли?

В Лондоне умер последний лорд Хулиган, фамилия которого стала позорной кличкой во всем мире. (Из газет).

Рис. Гаврилы.

„Не говорите мне: он умер! Он живет“.
Его хула звучит похабно-гулко
Не только в темных недрах переулка:
В кино, в пивной и у любых ворот.

Открыта грудь. Цыгарка. Брюки клеш.
В лице—нахальное сознание превосходства.
При нем его орудье производства:
Стальной кулак и „вострый“ финский нож.

Пырнет шутя, за несколько монет...
Проклятых лет тяжелое наследство...
От тараканов, от клопов ведь есть же
средство,
От хулиганов, к сожаленью, еще нет.

Угодно-ль, по цене недорогой—
Все виды хулиганского искусства?
Читатель, правда, у тебя такое чувство,
Как будто, в пакость ты вступил ногой?!
НУМА.

„Обиженный“.

— Безобразие, что делается. Улице пройти нельзя. Так и приста

— Кто-ж к тебе, Петя, пристаёт?

— Кто? Конечно, они Хулиганы — кто! Например, вчера. Иду я по тротуару, а напротив какой-то спец в технической фуражке. Я ему и кричу вежливо.

— Эй, ты, зараза! Сходи с тротуара на дорогу. Дай трудящему пройти.

А он идет себе по тротувару и ну внимания. И еще говорит:

— Я вам, гражданин, не мешаю. Тротуар широкий, всем пройти хватит.

Тут в mine аж все закипело. — Что это, — думаю. — Какой-то спец и будет указывать mine, как идти?! А может по кривой или циркулем желаю идти

Но ничего не сказал. Иду я. Он тоже идет. Дошел до mine, да как толкнет. Только я на ногах остался, а он — кувирком на дорожку. Такой нахал оказался. Вскочил и кричит:

— Вы мне толкнули, гражданин!
Позвольте! За что?

А я ему говорю:

— Не приставайте, я с незнакомыми
мужчинами на улице не разговариваю.

А он опять свое. Ну, вижу я, что человек пристаёт и вдарил его раз по сопатке. И что бы вы думали? Вскочил и опять кричит. Другой бы лежал а этого—прямо не человек,—пьявка. Такого пристал, так пристал, что и отвязаться нельзя.

— Какое,—кричит,—вы имеет полное право драться? Нет, вы скажите, какое

А я ему на это:

— Не приставай к занятому человеку с праздными вопросами.

Нет. Не унимается. Так и лезет в драку. Ну, я натурально—в ухо. Потому не приставай. Что с ним после этого сделалось — уму непонятно. Ореть:— Караул, убивают!

Ну, хотел я его еще раз двинуть, да вижу—народ собирается. Суды да пересуды начнутся. А ведь, парень я—стенительный, скандалов не люблю. Ушел я от греха. Только до сих пор забыть не могу, как этот спец выкурил меня с улицы. Вспомню, так сердце кровью обливается—до того обидно. Вот.

А вы говорите, что не пристаю. Пристают. Пройти по улице невозможно.

Шип.

П
ют
во
ту
ех-
чу
ра
ль
ю.
т.
ж
т
я
г?

— Почему это, Гаврило Петрович, отдела „под
рошку“ давно не видать?

— Испортились меха в гармошке. В починке
целых два месяца держали, но починили. А тут
друг на одном предприятии кузнечные меха испор-
тились. Пришлось гармошку отдать—у ней меха
самый раз. Надо же поддержать производство.

Лицом к селу.

(Вниманию наркомздрава!)

В слободе Соколово, Змиев-
ской вол., женщина-врач в
больнице вместо того, чтобы
прописать лекарство для
больного, сказала:

— Зачем ему лекарство?
Ему пора умереть.

(Из письма селькора).

Захворала тетка Фекла,
Целый день лежит ничком.
Мыла, значит, где-то стекла,—
Прохватило сквознячком.

Боль от ног и до лопаток,
Маята—ни встать, ни сесть...
Правда, ей шестой десяток,
Все-же жить—охота есть.

„Хоть пришла бы докторица“...
Шепчет Фекла, вся в жару.
„Сбегай вдругорядь, сестрица,
Без нее—зарез: помру“.

Ждет-пождет денек сначала,
После два,—тоска взяла...
Да случайно полегчало.
Встала Фекла и пошла.

Ставя ноги еле-еле,
Доплелася, не спеша.
Как-никак, в крестьянском теле
Крепко держится душа.

На больничные ступеньки
Всходит, двигаясь едва.
„Докторица“ пялит зеньки:
— Ты никак еще жива?

От испуга Фекла взмокла:
„Мне б рецепт... лекарство что-б...“
— Извини, стара ты, Фекла
И твое лекарство—гроб!..

Фекле что,—убралась Фекла
День прошел, другой и вот—
Фекла снова моет стекла
И на зло врачам*) живет.

За медпомощь всенародно
„Докторице“ шлем хвалу:
„Дама“ стала чем угодно,—
Только не лицом,—к селу.

Н. ХМУРЫЙ.

*) Примеч. наборщика: автор, вероятно,
ошибся. Говорят: „на зло врагам“.

Почтовый ящик Гаврилы.

Е. Кухве (Харьков). Уж очень „кухвский“
рисунок. Но способности есть. Учиться надо.

В. Павленко (Харьков). Факты мелкие, год-
ные лишь для музея, а ты закатил целые
стихотворения и при том слабые. Факты, мо-
жет, используем.

Дерзкому и Хмурому (Алчевск). Товарищи,
опять беллетристика? Опять „простыни“? Уж
не знаю, куда их сунуть. Может, вы посове-
туете? Давайте краткие заметки в несколько
строк, а я уж разделаю, чтоб посмешнее
было.

Бонону (Кадиевка). Для „музея“ не годится.
Пошли в газету.

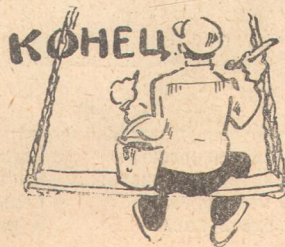
М-но (Яготин). Об этом уже много раз пи-
сали. Не пойдет.

Просто Мише (в пространство). Ну и навороти-
л же ты, Миша! Наша редакционная кошка,
и та отвернулась, когда мы прочли ей твой
„стих“. Стихи, Миша.

Кротову (Харьков). Кротов пишет:
„Хоть я с природы очень смел,
Но на сей раз в галашу сел...“
Ну и сиди! При чем мы здесь?

Нике К. (Кременчуг). „Правда, я сделал эту
вещь под Маяковского, но она, по моему, не-
плоха“.

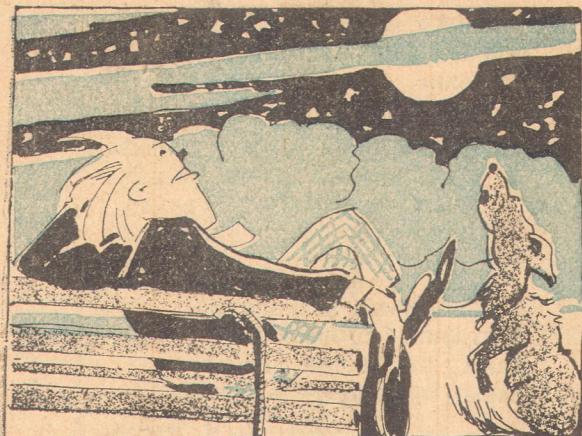
А по моему, плоха. Не делай больше под
Маяковского, а делай под себя. Присылать
не надо.

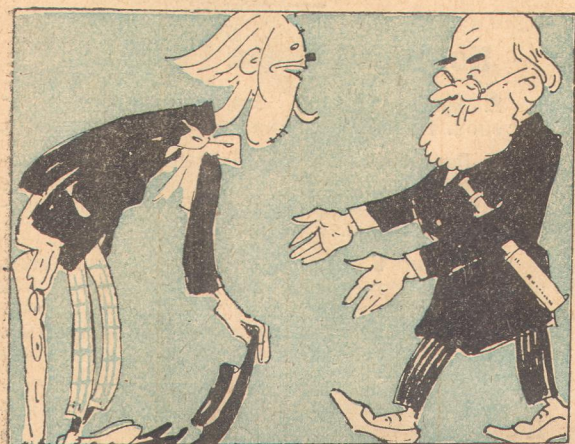
МИША НЕТУДЫКИН ЛЕТИТ НА ЛУНУ.

Рис. Самуа.
Текст Туза.

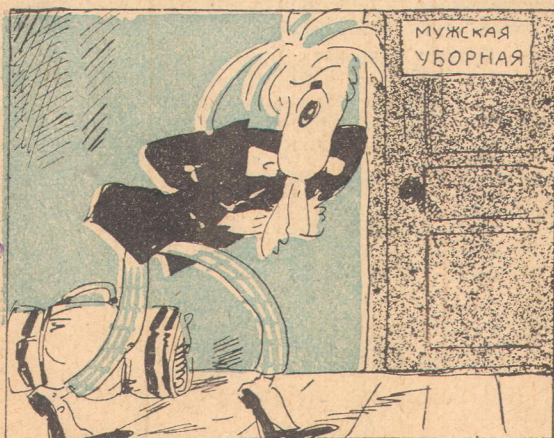
Американец Говард изобрел ракету
для полета на луну.

Луна взошла. Все выше-выше...
Не спится в ночь такую Мише,
Все мысль лелеет он одну:
— Эх, полететь бы на луну!

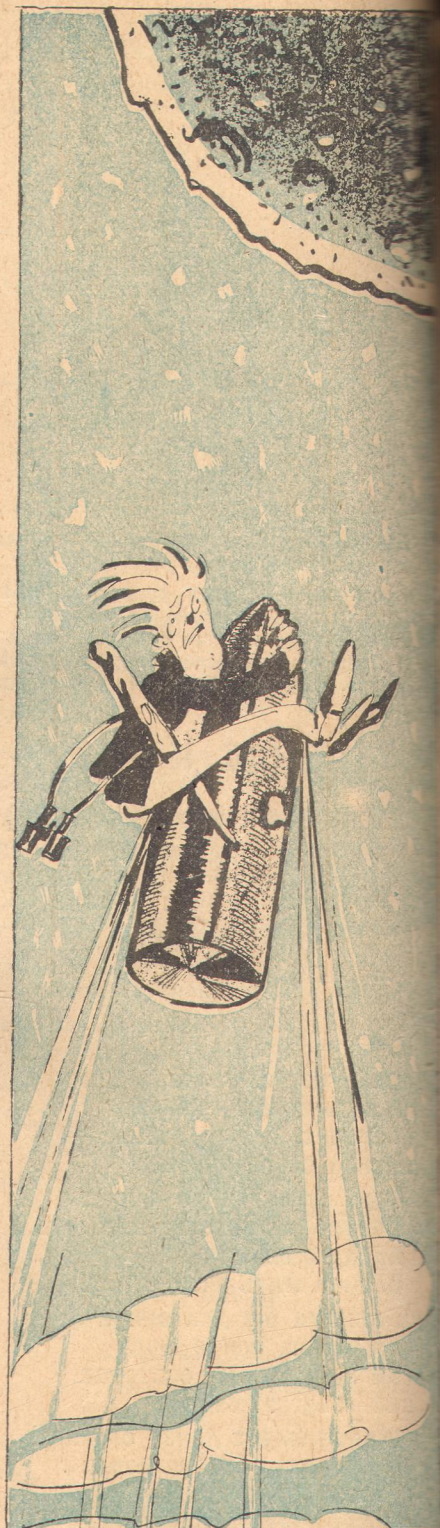

На завтра—Миша у Говарда,
Герой, один из миллиарда!
И, приняв гостя, сэр Говард
Его готов воспеть, как бард...

Пора лететь. Еще мгновенье.
Но... Миша чувствует волнение...
Его с трудом переборов,
Он, наконец, лететь готов.

Народу масса у ракеты.
Цветы! Овации! Приветы!
Серьезен Миша. Как полип,
К ракете лунной он прилип.

Ужасный треск—за вспышкой света.
И—пулей вырвалась ракета,
Пространство бешено сверля.
Последний взгляд. Прощай, земля!

ЖДИТЕ РАДИО-ТЕЛЕГРАММЫ ОТ МИШИ НЕТУДЫКИНА.